

Глава 36. Приказ.

В пустой учительской сидели голова к голове Пестряков и Кылбанов — совещались. Можно было представить о чём! На приветствие Аласова они не ответили, но его сегодня трудно было вышибить из седла. Сегодня праздник: Нина будет жить! Он взглянул на коллег — знают или нет?

Странное превращение произошло с Тимиром Ивановичем: ещё недавно это был важный и высокомерный человек, а теперь водил дружбу с Кылбановым, весь в своих интригах, стал суетным, дёрганым, говорил резко, фразы недоговаривал. Теперь он и часа не обходился без своего задушевного советчика — Акима Кылбанова, они даже чем-то походить стали друг на друга. По крайней мере, сейчас, когда оба враз, словно по команде, отвернулись от Аласова — ну совершенные близнецы!

После звонка с очередного урока стали сходитья учителя. Каждый справлялся о Нине, и каждому Аласов опять, слово в слово, повторял всё, что узнал от врача.

— А у меня, Сергей Эргисович, тоже добрая новость, — Нахов потряс пачкой ученических тетрадок. — В восьмом «А» записали рассказы четырёх участников Отечественной войны. Бригадный метод: ветеран говорит, все записывают, потом варианты сводятся в один — самый полный. Здорово придумано?

— Все ищут героев войны, непременно подавай им героев, — откликнулся Евсей Сектяев. — Подадутся как один в историки!

— Или того хуже — в писатели, — засмеялся Аласов.

— Э, не смейтесь! — возразил Нахов. — Совершается верное дело. Пусть ищут, пусть пишут...

Запыхавшись, влетела Саргылана Кустурова — розовощёкая, с ресницами в инее, с побелевшей прядкой на лбу.

— Товарищи, ка-акую новость я вам принесла! Ниночка наша...

Новость все знали, но никто не стал лишать Саргылану удовольствия сообщить её ещё раз.

— За эту весть вам от коллектива поцелуй в щёчку! — сориентировался Нахов. — Евсей, друг, что же ты?

Перемена кончилась, раздался звонок. Учителя пошли в классы.

— А вы, Сергей Эргисович, погодите...

Аласов в нетерпении остановился.

Тимир Иванович постучал в перегородку:

— Фёдор Баглаевич, вас ожидают...

Хмурый, будто заспанный и оттого ещё больше похожий на зимнего медведя, вышел из директорской Кубаров. Глядя в сторону и немилосердно

пыхтя трубкой, он положил на стол перед Аласовым лист с текстом, отпечатанным на машинке.

«Приказ...» Аласов скользнул взглядом ниже: «За организацию склоки в коллективе, за нарушение нормальной деятельности школы, а также за морально-бытовое разложение отстранить от учительской работы...» Подпись: «Заведующий районным отделом народного образования К.С. Платонов».

— Считать себя уволенным могу лишь после того, как выйдет приказ директора школы.

Завуч остановил Аласова движением руки:

— Минуточку! Поскольку я являюсь заведующим учебной частью, то властью, данной мне, запрещаю вам, Аласов, входить в класс. Отдайте журнал Акиму Григорьевичу! Вы сняты, с вами всё покончено. А если вы нуждаетесь в приказе директора, то вот он, — Пестряков эффектно развернул лист. — Фёдор Баглаевич, я всё тут учёл, о чём мы говорили...

Даже со стороны было видно, как основательно Пестряков «всё тут учёл», — его аккуратным почерком исписана была вся страница.

Кылбанов, победно зажав журнал под мышкой, отправился на урок в десятый класс.

— Попрошу, Фёдор Баглаевич: перепишите в книгу приказов, а копию вручите этому человеку.

Кубаров, торопливо водивший в эту минуту пером по бумаге, был немало удивлён тишиной в учительской: за перегородкой никто не произнёс ни слова.

И тут вскоре ворвался в учительскую Кылбанов:

— Диверсия, иначе не назову! Да его не то что с работы снять, его...

— Аким Григорьевич, что произошло?

— А то, что в десятом классе моей ноги больше не будет! — Кылбанов швырнул по столу журнал, тот, перелетев столешницу, шмякнулся на пол.

Вышел Кубаров из своего закутка, держа в руках выписку.

— Да что там случилось, говори по-человечески! — рявкнул Пестряков.

— Так я же рассказываю... Десятиклассники наотрез отказываются учиться.

У них, видите ли, по расписанию должна быть история, и они хотят заниматься только историей! Я им говорю: «Учитель истории отстранён от занятий», а они давай крышками стучать. Молокососы! Бунтовать вздумали...

— Да, бунтуют. А что вас удивляет, Аким Григорьевич? — с печалью сказал завуч. — Полгода ученики обрабатывались в определённом направлении. В угоду личным целям отдельного лица. Теперь пожинаем плоды. Фёдор Баглаевич, прошу вас, пройдите с Кылбановым в десятый, наведите там порядок.

Кубаров, оставив свою бумажку на столе перед Аласовым, послушно отправился с физиком. Вернулись они минут через пять.

— Убедились? — упрекнул Кылбанов директора. — Вы думаете, что Аким Григорьевич не способен...

— Замолкни ты! — Кубаров был вконец раздражён. — А что им делать остаётся? «Историк отстранён... историк изгнан...» Кой чёрт поручал вам соваться с объявлениями? Эти парни лучше нас чувствуют, что хорошо и что плохо.

— Вот теперь и стрелочника нашли! Кылбанов теперь во всём у вас виноват! Показав крикуну спину, директор обратился к Аласову:

— Сергей Эргисович, уважь просьбу старого человека. Нельзя дать бунту разрастись...

Аласов молчал.

— Не ради меня, ради школьников, — продолжал директор.

— Однако как же... Мне ведь запрещено.

— Разрешаю! — поспешно сказал Кубаров.

— Хорошо, попробуем... — кивнул Аласов. Подойдя к двери класса, он сказал физику: — Придётся минуту здесь подождать. Если получится, я вас позову.

Класс, радостно ахнув, стеной встал ему навстречу: «Здравствуйте, Сергей Эргисович!»

— Садитесь. Сейчас вместо истории у вас будет физика. Меня отстранили от учительства, — просто сказал Аласов.

Поднялась буря: «Неправильно это!». «В райком комсомола напишем», «Не уходите, Сергей Эргисович!»

Юрча Монастырёв вскочил с места:

— Эй вы! Тише, говорю. Тегюрюкова, умолкни! Цыц, сказал! Сергей Эргисович, мы ведь не маленькие, и с нами нечего в кошки-мышки. Это клевета, и вы не имеете права отступать!

— погоди, Монастырёв. За то, что верите, — спасибо. Да, тут несправедливость, и я это докажу. Но при условии, если мне не будет мешать ваш десятый класс.

— Мы комсомольцы, Сергей Эргисович, — возразил Саша Брагин. — Мириться с несправедливостью...

— А я вас не призываю мириться с несправедливостью. Никогда не миритесь! Однако ведь Монастырёв тут ответственно заявил: «Мы не маленькие». А если так, то знаете, как ваш срыв урока называется? Замутить историю ещё больше, на одно другое навалить! Думаете, это на пользу? Как бы не так! Всякий рассудит: вот, значит, как Аласов вёл воспитательную работу! Если я прошу вас о чём-либо в тяжёлый момент, так об этом: не ставьте мне палки в колёса. Вы поняли меня? Могу я на вас рассчитывать?

Аласов едва не пришиб дверь Кылбанова, — к счастью, физик успел увернуться.

— Прошу...

Вошёл Кылбанов в класс боком, робея. Десятиклассники встретили его с неожиданным, необъяснимым для него спокойствием. Аласов за дверью удовлетворённо кивнул головой.

Из соседнего класса показалась голова Майи: «Серёжа?»

Она вышла, плотно прикрыв за собой дверь.

— Что там у вас происходит? Митинг какой-то... Разве сейчас не твой урок?

— Заменяли Кылбановым.

Тут только Аласов обнаружил, что держит в руке выписку из директорской книги приказов. С этим листком он так и беседовал в классе.

Директорский приказ был кратким: «Согласно приказу роно освободить учителя истории Аласова С.Э. от работы».

Пожав плечами, Аласов протянул бумажку Майе.

— Что значит «освободить»? Ты сам уходишь? Или тебя увольняют?

— Потом расскажу.

Он пошёл, но что-то заставило его обернуться. Майя смотрела вслед.

— Сергей! — она подбежала к нему. — Тебя прогонят — и мне тут нечего делать... Борись за двоих!

Аласов взял её руку и поцеловал.

Пожалуйста, можешь залечь спать. Можешь, пожалуйста, почитать роман или взяться наконец за свои аспирантские учебники. Пожалуйста...

Всегда, изо дня в день, из часа в час был занят, вздохнуть некогда: школа, кружки, посещения ребят на дому, родительские собрания, отчёты, поурочные планы, беседы на ферме и лекции в клубе, возня с будущим музеем, вечно откладываемая на потом аспирантура, партийные собрания, да ещё что-то надо по дому сделать, матери помочь, да и на лыжах хочется, и с ружьишком по лесу...

И вдруг никакой заботушки, свобода!

Он шёл медленно, едва волоча ноги.

Уж не надеешься ли ты, что начальство одумается, бросится вслед с признанием: мы ошиблись? Нет, выписка из приказа у тебя с собой — чёрным по белому. И при всей своей дикости она — совершенный факт.

Это факт, что Сергей Аласов, всю жизнь занимавшийся учительством, любящий своё дело, сейчас идёт по улице, уволенный из учителей.

Уволен за морально-бытовое разложение. Бывают бытовые условия, бытовые приборы, бытовая химия... А у него, пожалуйста, бытовое разложение... Нелепость этого словосочетания неожиданно развеселила и как-

то вдруг успокоила Аласова. Всё это было бы так грустно, когда бы не было смешно...

Есть возня на уровне мышиноного подпола. А есть — борьба, когда ты ясно утверждаешь правду, за которую — хоть на костёр! Если на такой высоте стоять, то ничегошеньки они с тобой не сделают, брат Аласов. Майя как раз это и имела в виду: «За двоих борись...»

Спокойно, Аласов. Будь мужчиной — как сам же к этому призывал других. Не суетись, не маши руками. Прежде всего об увольнении нужно матери рассказать. Пусть узнает от меня, а не от соседей. Затем — Аржаков. Если он вернулся с партконференции, надо немедленно ехать в район. Потребовать, чтобы на бюро было поставлено моё персональное дело, чтобы выслушали меня коллективно. Там-то всякой мышиноной возне и конец придёт!

Не то задремал он, сидя за столом, не то задумался, — вдруг голоса под дверью, какое-то там движение народное.

— Сынок, к тебе!

На пороге ребята из десятого.

— Сергей Эргисович, мы к вам учиться. По истории... Если, конечно, согласитесь...

— Соглашусь, конечно. Это вы лихо придумали. Как вот только я размещу вас в своей клетушке...

— Разместимся!

— Мы утрамбуемся...

— Веру я себе на колени посажу!

— Я вот тебе посажу!

Загудело в избе!

— Мама, складывайте одёжки прямо на кровать.

— Сейчас, сейчас, сыночек! Чайку вам поставлю...

— Вот это я понимаю, урок! С чаем!

— Ну ладно, ладно, — сказал Аласов строго. Проглотил что-то в горле, даже губу закусил. — Тише, товарищи. Если урок, так всерьёз. Начинаем сегодня новую тему...